

18+

Сергей Леонидович Марков

Разведёнка

Сергей Леонидович Марков

Разведёнка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73264658

ISBN 9785006917767

Аннотация

От страстного начала в Барселоне до тихого распада в московской квартире. Её потребность в восхищении против его молчаливого терпения, её мир ощущений против его мира обязанностей. Автор не судит и не оправдывает, а «рисует картину» – иронично, точно, без сантиментов. Здесь нет правых и виноватых, есть лишь механизм отношений, разобранный до винтика. Это исследование о том, как два человека становятся чужими, даже не заметив, когда исчезла почва для общего языка.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Разведёнка

Сергей Леонидович Марков

© Сергей Леонидович Марков, 2026

ISBN 978-5-0069-1776-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Техосмотр

В кино и сериалах о психотерапевтах давно перестали показывать кушетки, но Вика ее ожидала. Хотя и была на приеме не впервые. Будучи прогрессивной москвичкой за тридцать, она считала их чем-то вроде техосмотра в автосалоне – процедурой жизненно необходимой для выживания в двадцать первом веке.

За годы в супружестве она спустила на эту профилактику немало супружеских средств. Но благоверному обычно говорила про инвестиции в счастливую жизнь. Акцентировала внимание на экономичности онлайн-формата, твердой цене, неизменной уже много лет, удаче и связях, благодаря которым удалось протиснуться в узкий круг пациентов всероссийского светила.

Муж периодически вздыхал и говорил, что сеансы эти легко заменить разговорами по душам с подружками, на что Ви-

ка всякий раз интересовалась, готов ли он доверить ее, а значит и собственное душевное здоровье, этим женщинам.

Максим, превратившийся за годы брака в тихого краснощекого увальня, похожего на перезревшего купидона, вспоминал шумных и взбалмошных Надьку, Ольгу и Диану с Сабиной, вдумчивую, но резкую и вечно занятую Янку, жеманную и губастую Камиллу, в которой всегда подозревал эскортницу. Вздыхал и доставал кошелек (в последние годы – мобильник), отправляя жене очередной транш. Двойного назначения: материально-духовный.

Вика не от жадности предпочитала услуги профессионала. Она и сама понимала, что после тридцати все адекватные подруги, которым можно было доверить душевные терзания, либо перестали таковыми являться, либо сделались такими деловыми и колючими, что после общения с ними необходимость в услугах специалиста сомнений уже точно не вызывала.

В студенческие годы она легко сносила ментальные затрещины от той же Янки. Фразы вроде «Ну на хрена он тебе сдался, дура», или «сама вчера всю ночь на дискаче скакала, теперь не ной» действовали отрезвляюще. Бодрили, но не ломали.

Теперь же, когда интернет, а главное человек с дипломом и сотнями тысяч подписчиков, раскрыли ей глаза, Вика старалась держаться от токсичной заботы подальше. Сократила контакты с абьюзерами, окружила себя людьми с клубнич-

но-зефирной психикой. Подперла жизнь танцами, единоборствами и уроками итальянского языка.

Эта схема исправно работала пятнадцать лет, пока не дала сбой – тихий, но фатальный, как трещина в фундаменте.

И вот она, разведенка с прицепом на пороге сорокалетия, проревевшись в туалете клиники, пытается не уронить лицо на первом за долгое время очном приеме у Сергея Валентиновича Крестовского, – того самого светила отечественной психотерапии, с которым привыкла общаться по видеосвязи.

Ее взгляд, мутный и рассеянный, скользит по стенам. Молочно-белым, подзабытым. По абстрактным картинам в рамках из дорогого дерева. По дипломам и фотографиям со знаменитостями.

Как будто ищет опору в статусе специалиста, которому доверила свою душу. Так называемый якорь.

Вот только забросить тот якорь никак не выходит.

Взгляд ни на чем не фокусируется, в голове звенит камертон, а пальцы мелко подрагивают.

Упражнение из дыхательных техник тоже не помогло.

Плохо дело – от специалиста уровня Крестовского вряд ли можно скрыть и менее очевидную нервозность.

– А где же кушетка? – не удержалась она от нелепой шутки и скривила губы в усмешке.

И тут же сомкнула их, осознав, что они дрожат.

– Кушетки остались в более скорбных заведениях, – искря глазами из-под очков в роговой оправе, отозвался доктор, –

но если вам на ней было бы более комфортно, можем организовать.

Сергей Валентинович из той породы специалистов, услуги которых простой матери-одиночке не по карману. На это намекают и аккуратный пробор в волосах, и перстни с дорогими камнями на пальцах, и стильный кардиган тонкой шерсти, и пряный аромат, отчетливо ощутимый через разделявшие их полтора метра, и даже матовая блестящая табличка на входе.

Но Вика, привыкла в любом деле доверяться только самым лучшим и не смогла уронить планку.

Вот уже шесть лет каждое последнее воскресенье месяца они созванивались по видеосвязи и беседовали обстоятельно около часа с небольшим.

В основном говорила Вика. Крестовский слушал. Иногда деликатно задавал направление, давал мягкие, ни к чему не обязывающие комментарии. Время от времени что-то записывал в блокнот и почти не прерывал. Даже если она слишком увлекалась. В конце обычно как бы спохватывался и давал домашнее задание даря тем самым с барского плеча еще минут десять-пятнадцать своего чрезвычайно дорого времени. Попутно бросал непринужденный намек о том, какую светскую львицу, жену генерала или интернет-знаменитость заставил томиться в ожидании.

Выполнением домашки Вика обычно не утруждалась.

Ей даже нравилось быть штрафницей. Для нее это было

что-то вроде игры: проверить, когда уже выдержанный, словно сорокалетний коньяк, доктор начнет ее журить.

И хоть спровоцировать его на нотации не удалось ни разу, на деле в выигрыше были все.

Вывести доктора из равновесия не было ее целью. Играла Вика больше из любви к искусству и, скорее всего, потеряла бы интерес при малейших признаках нравоучения.

Всякий раз ее голова шла кругом от шекочущего напряжения. Вспомнит или нет про задание? А если вспомнит, что сказать? Как отреагирует? Поправит очки и сменит тему, пожмет плечами и мягко улыбнется? Эта легкая прелюдия превосходно поддерживала их отношения.

Жаль муж не удосужился обучиться подобным приемам. Как знать – умеет он флиртовать также тонко и виртуозно, может, и не пришлось бы платить профессионалу.

– Так что? Принести кушетку? – переспросил Сергей Валентинович, не дождавшись ответа.

– Нет, – махнула рукой Вика.

– Хорошо. Видимо, наша личная встреча обусловлена какими-то особенными причинами. Или точнее, причиной. Развод?

– Как вы догадались?

– Опыт. Просто опыт. Когда десятки лет наблюдаешь одни и те же картины, приучаешься по языку тела распознавать любое горе. И смерть близких, и развод, и банкротство... Так что никакой мистики тут нет.

– И как вы живете с этим?

– Я-то? Нормально живу, – усмехнулся Сергей Валентинович, – получше многих.

И демонстративно обвел глазами кабинет.

– А, ну да... – протянула в ответ Вика.

– Ну, да ладно! – он бодро хлопнул себя ладонями по упитанным ляжкам, – Вы, надо полагать, не обо мне пришли говорить. Зато по адресу. Разводы – это наш профиль! Рассказывайте!

– Да я даже не знаю, с чего начать. Все так внезапно случилось... Раньше мне казалось, что если мы разойдемся... Я брошу Макса. Вот и подруги говорили, что он мне не пара. Да я и сама так думала. Скучный он. Бу-бу-бу... А потом втянулась. Не мешает жить и ладно. Я делала все, как вы говорили: окружила себя хобби всякими, приятными людьми. И тут бац! Развод! Пока замужем была, казалось, что муж...

– Объелся груш? – подсказал доктор.

– Ну да... А потом, значит, он ушел и стал...

– Очень нужен, – деликатно помог подытожить фразу психотерапевт.

– Да.

Сергей Валентинович наморщил лоб, собираясь с мыслями, потер переносицу, еще раз шлепнул себя по ляжке и провозгласил:

– Итак, случай классический: «Что имеем – не храним; потерявши – плачем».

– Получается, так.

– Хорошо. А цель-то какая? Вернуть? Насолить? Пережить? Чего изволите?

– Не знаю... – честно призналась Вика. – Я запуталась. Для начала, наверное, хочу понять, как...

– Как вы дошли до жизни такой?

– Да.

– Уверены? Может быть, пропустим стадию «кто виноват» и сразу подумаем «что делать»?

– А так можно?

– А кто нам запретит? – поднял брови в притворном изумлении Сергей Валентинович.

Повисла пауза, которую заполнил лишь мерный ход старинных часов. Они методично, ломтями, нарезали время. В этом кабинете даже воздух стоил денег.

– Я сама хочу для себя понять. Где я свернула не туда.

Сергей Валентинович устало выдохнул. Этот вечно смешливый, ироничный живчик, баловень судьбы, похожий на лощеного кота, вдруг переменялся и на откормленном лице с холеной бородкой резко проступили следы человеческих несчастий, прошедших через него за годы практики.

– Зачем вам это нужно? – тихо спросил он, протирая мягкой тряпочкой брендированные очки.

– Я читала в одной книге про навыки метасознания. Хочу попробовать.

– Многие знания ... – печально хмыкнул Сергей Вален-

тинович.

– Но без понимания того, где я свернула не туда, я могу снова прийти туда же? Нет?

– Можете. Но метасознание не дает вам страховку...

– Но снижает риск?

Доктор кивнул, и на некоторое время в кабинете снова повисла тишина.

Вике казалось, что маятник часов тонкими ломтями нарезает ее жизнь.

Вспомнился их с Максом медовый месяц. Бокерия, бодрый каталонский дедуля, шинкующий свиную ногу тонюсенькими ломтями... Какими молодыми и счастливыми они были тогда! Как играючи лавировали среди жизненных неурядиц! Максим еще не обзавелся животом, в триатлоне участвовал, стремительно карабкался по карьерной лестнице. Вика была само очарование. Окончила престижный институт, вела популярный блог, в театре играла. Пусть и в любительском. Тогда она считала себя бриллиантом с множеством граней, а Макса – везунчиком, заполучившим руку прекрасной дамы в ожесточенной конкурентной схватке.

Дама была и впрямь популярной. Настолько, что и в замужестве получала от воздыхателей охапки роз толщиной в старый тополь и плюшевых медведей в натуральную величину.

Эта ее популярность попортила Максиму немало нервных клеток. Хотя, справедливости ради сказать, и в тонусе дер-

жала. Только с рождением сына эта лавочка постепенно прикрылась, и он понемногу расслабился и начал толстеть.

А что теперь?

Мать-одиночка со стремительно стареющими родителями и занятым в дорогой футбольной школе сыном?

Когда доктор снова заговорил, она, погруженная в мысли и воспоминания, вздрогнула.

– Скажу прямо – отговаривать вас не в моих интересах. И большинство моих коллег не стали бы этого делать. Но я стараюсь не навязывать клиентам лишних услуг...

– Ведь можно просто брать больше денег за уже оказанные? – улыбнулась иронически Вика.

– А вас не проведешь! – подмигнул Сергей Валентинович и снова посерьезнел. – Не нужно вам это. Ну научитесь смотреть на себя глазами банковского аудитора. Не сразу, кстати, научитесь. Придется не один сеанс взять, а вам бы лучше сберечь средства на другие нужды... Но предположим, научитесь. Начнете копать в себе, – а кто ищет, тот, как известно, всегда найдет. Вопрос в том, что именно вы в себе откопаете? Сможете ли справиться?

– Да уж постараюсь...

– А зачем?

– Мне надо знать, – упрямо сказала Вика.

Сергей Валентинович снова умолк. Потом снял трубку стационарного телефона и вызвал секретаршу.

– Анечка, напомните мне, пожалуйста, кто у меня следом

за Викторией Палной?

– Минутку... – раздался забавно-серьезный голосок блондинки, дежурившей на входе. – Дмитрий Николаевич и Владлена Изольдовна.

– Спасибо, дорогая, – сладко проворковал Сергей Валентинович, повесил трубку и снова задумался.

– А знаете, есть один способ... – медленно произнес он, барабанив пальцами по мягкому подлокотнику кресла. – Только он не совсем традиционный. Вы к гипнозу как относитесь?

– К гипнозу? – переспросила Вика. – Вы серьезно?

– Вполне. Смотрите. Вы ведь хотите посмотреть на свое прошлое как бы со стороны, так?

– Да.

– Ну так этого мы добьемся, я вам ручаюсь. Но кроме того, мы сделаем это намного быстрее и точнее. Сэкономим кучу времени и денег. А главное, вы не начнете ковыряться в себе по поводу и без. Не освоите опасный навык, так сказать. Что скажете?

– Не знаю. И как это будет выглядеть? Мы будем всю мою жизнь проматывать как киноленту?

– Отличная метафора! – похвалил Сергей Валентинович.

– Но боюсь, мы тогда ничего не сэкономим...

– Но мы не будем смотреть все кино. Только ключевые эпизоды. Воспользуемся вашими тайм-кодами, – обворожительно улыбнулся Сергей Валентинович.

– А как понять, что главное, а что нет?

– Тут вам решать. Свадьба, медовый месяц, беременность... Год спустя, три, пять... Какие-то ссоры или наоборот, праздники семейные... Думаю, одного сеанса хватит. А нет – еще один проведем. За счет заведения!

Вика задумалась. Дама она была не сугубо материалистических взглядов. Могла и на таро погадать, и гороскопы почитывала – как бы не всерьез. Но от дипломированного врача все-таки ожидала научно обоснованного решения проблемы. Гадания и психотерапия в ее мире принадлежали к двум разным, не пересекающимся, а потому не конфликтующим в сознании реальностям. В общем, за мистикой она привыкла обращаться к другим людям.

– Соглашайтесь, не пожалеете! – расплылся врач в искуственной улыбке.

– Ну хорошо... Попробуем...

– Супер! Тогда встретимся через неделю. С вас к следующему сеансу ключевые точки, – бодро заключил он, потирая руки. – А на сегодня прервемся. И в кассу можете не ходить. Я договарюсь.

Вика, Максим и Барселона.

В этот раз Вика отнеслась к домашнему заданию очень серьезно.

Тем же вечером, прочтя сыну на ночь отрывок из «Ма-

ленького принца», направилась в осиротевшую кухню, где еще не так давно решались все семейные вопросы.

Решались обычно в спорах, где она раз за разом одерживала верх.

Муж гундел что-то о разуме и экономии. Ворчал – пока его не пререзал резкий голос Вики, взвинчивающийся до крика за долю секунды. Макс замирал, его взгляд каменил. Потом он беззвучно вздыхал, опускал плечи и шел за кошельком

Так они выбирали, куда поехать в отпуск, обои в съемной квартире и оттенок пуговиц для Женькиной школьной формы. И все с одинаковой страстью. Для Вики неважных вещей не существовало, и Максиму приходилось проявлять чудеса гибкости и долготерпения.

Теперь доказывать свою правоту было некому. И казалось бы, отсутствие пусть и вялого сопротивления должно было развязать Вике крылья, но вместо этого из нее словно вышел весь воздух.

Она включила электрический чайник, села за кухонный стол, взяла записную книжку с котиками, ручку закусила... Да так и застыла.

Разум вцепился в мутный образ новой секретарши в мужниной фирме и остервенело терзал его несмотря на отсутствие даже косвенных улик, изобличающих Максима. Но как иначе объяснить дерзкий прыжок в неизвестность от ее флегматичного тихони?

Быть может, дело было в нехватке объяснений. Ушел он по-английски. Тихо собрал вещи, оставил на столе копию заявления на развод со штампом суда о принятии и короткую записку. Слишком короткую, чтобы понять настоящую причину ухода.

Наконец она расцепила зубы, оставила в покое истерзанную ручку, тряхнула головой и пошла в душ.

Там стояла под струей горячей воды, пока не смыла в канализацию мысли о юной, но если разобраться, довольно блеклой девице.

Не мог муж променять свою королеву на эту прачку, – решила она и снова попробовала вспомнить что-то важное из супружеской жизни.

И опять тщетно. На этот раз в голове образовалась блаженная пустота, расставаться с которой совсем не хотелось.

Минут через сорок Вика, завернувшись в полотенце, аккуратно, на цыпочках, вышла в коридор.

Прислушалась к звукам за дверью Женькиной комнаты.

Тишина.

Заглянула украдкой.

Единственный теперь в ее жизни мужчина так умаялся на тренировке, что заснул едва коснувшись подушки. А то и вовсе на подлете к ней.

Сглотнула ком нежности, тихонько притворила дверь и вернулась в кухню.

Достала ноутбук и принялась листать семейные фото в на-

дежде подстегнуть память и подобрать те самые тайм-коды из ее печального фильма.

В этот раз дело пошло живее – душ действительно вымыл лишнее из головы.

И хоть обычно Вика считала последовательность скучной, – она жила ощущениями, а не воспоминаниями и планами, – в этот раз решила отмотать пленку к истокам – ко дню их с мужем первой встречи.

Листать пришлось долго. Купленный Максом терабайт в облаке оказался банкой цифровых консервов. Закатаны в нее были целые моря – теплые и безмятежные, спектакли ее любительского театра, первые Женькины шаги и первые триумфы на футбольном поле. Автозагрузка, как неряшливая домработница, набросала туда же всего подряд: чеки, ме-мы, платья, которые она так и не купила, и сканы исковых заявлений Максима.

Несмотря на привычку жить в моменте, пару раз в году Вика листала эти хроники. При этом всякий раз блуждала по воспоминаниям долго и бессистемно.

А теперь выдохнула, снова включила остывший чайник и быстро промотала на 2010-й год, к обласканной солнцем и пропахшей жареным миндалем Барселоне.

Ко снимку, на котором их театральная труппа позирует на фоне стеклянного колосса – аэропорта.

El Prat в тот день показался ей сказочным замком и сама она казалась себе дерзкой и бесшабашной принцессой

на первом балу.

На том снимке много красивых лиц: наивная Камилла, строгая Янка, нежная Оля, озорная Сабина. Но взгляд, как и тогда, цепляется за Вику – за рыжий вихрь и дерзкую усмешку, пробивающуюся сквозь экран и годы.

Вместе они вихрем носились по городу, втягивали полной грудью ароматы кофе и паэлы, строили глазки каталонским дедулькам. Те лениво потягивали пиво у телевизора, где мелькал аргентинский вундеркинд в сине-гранатовой майке. Пили вино из пластиковых стаканчиков в скверах, яростно торговались на рынке, не зная ни слова по-испански. И ведь частенько уходили с Бочерии сытыми, не истратив ни цента.

Тогда казалось, что перед ней открыты все дороги и не сегодня – завтра ее заметят руководители известных киностудий и пафосных театров. Во всяком случае каждый, кто встречался на ее пути, сразу оказывался в плену ее чар.

Не устоял и Макс.

Он прилетел в Каталонию поучаствовать в любительском триатлоне. К финишу пришел с достойным результатом, но на подиум забраться не сумел.

Друзья подшучивали, мол, для пьедестала в этой дисциплине, где первенствуют матерые, ему не хватило седых волос.

А он уморительно дулся на них, пока не встретил в очереди к Sagrada Família обворожительную лисичку в панамке

цвета хаки.

Она с царственной уверенностью в собственном великолепии на ломаном английском попросила сфотографировать их с подругами.

Макс, прекрасно говоривший по-английски, мгновенно узнал родной акцент. Но не стал лишать себя редкого удовольствия – понаблюдать за соотечественниками на отдыхе, пока тем кажется, что кругом сплошные туземцы.

– Ну, что? Как встанем? – гогоча спросила у подруг голубоглазая блондинка с очаровательными ямочками.

– По росту? – предложила застенчивая шатенка с полными губами.

– Ага! – саркастически возразила рыжая. – Лестницы идидоток нам не хватало! Лучше Надька с Камой тут, а с этой стороны...

– А ты опять в центре? – возмутилась брюнетка, обладательница единственного серьезного лица во всей компании.

– Ну не обязательно... – попыталась выкрутиться Вика.

Она надеялась, что сможет в очередной раз перехитрить подруг и после серии уступок занять центральное место в кадре.

Но Янка уже насмотрелась на ее уловки и решительно вытолкала проныру во фланг.

– Ты и так всегда в центре, – отрезала она. – Вон наш фотограф и тот на тебя одну пялится!

Услышав эти слова, Макс вздрогнул и покраснел. Он

и в самом деле неотрывно следил за Викой.

И она, кожей ощущая присутствие зрителя, не могла удержаться от рисовки. Надувала губы, закатывала глаза, гримасничала – словом, делала все то, что легко сходит с рук и даже идет в плюс беспечной красотке.

Девчонки были слишком заняты борьбой за лучшее место в кадре, чтобы разглядеть его замешательство, и только Янка удосужилась крикнуть застывшему с блаженным видом фотографу: «Just one minute, please!»

Но тут подошли товарищи Максима, отстоявшие очередь за билетами, и крикнули: «Макс, ты чего там застрял?!»

Как они хохотали!

Бедный Максим так покраснел, что казалось, вот-вот задымится!

И все-таки набрался наглости и выпросил Викин телефонный номер.

А она, польщенная вниманием и раскрасневшаяся, от хохота, дала не выдуманный, как обычно бывало, а настоящий.

Викины подруги недоумевали, почему из всей пестрой и многочисленной ватаги поклонников к алтарю ее повел именно Макс. Эти двое были слишком разными для стороннего наблюдателя. И это тот случай, когда такой наблюдатель оказался бы совершенно прав.

Невысокий, крепко сбитый, молчаливый. Казалось, при-

рода, создавая его, пользовалась не только другой палитрой, но и другими чертежами, нежели для Вики – высокой, стройной, кипучей

Различия проявлялись буквально на каждом шагу.

Вика обожала джаз и латину, Максим фанател от тяжелого рока. Она коллекционировала винил и бумажные книги, наслаждалась миндальным рафом; он был счастлив уместить весь досуг в экран телефона, а кофе не пил вовсе.

И так во всем.

Он жил футболом и триатлоном, она – танцами и единоборствами. Ее тянуло к артхаусу и современному искусству, его – к голливудским блокбастерам. Она склонялась к вегетарианству, он был ортодоксальным мясоедом.

Казалось, для образования союза им просто нечем зацепиться друг за друга.

Но кое-что все-таки было. Нечто неочевидное. Вика поняла это только теперь, когда их история подошла к концу.

Проблески понимания случались и раньше, но для осмысленной гипотезы всегда чего-то не хватало. То ли времени, то ли желания.

Временами ей казалось, что она не случайно выбрала актерство в качестве хобби. Какая-то часть ее смутно ощущала себя марионеткой, оживающей лишь в присутствии зрителя.

В любой компании она была самым ярким пятном. Смеялась, язвила, хвостом крутила – отождествляя себя со сказочной Лисой Патрикеевной.

А в одиночестве эта лиса менялась до неузнаваемости.

Сторонний наблюдатель, окажись он вне поля ее зрения, увидел бы в глазах не шальной блеск, а тревогу или апатию, чуть сутулые плечи вместо горделивой осанки, блеклую бесформенную одежду и вялые, заторможенные движения.

Без зрителя Вика ощущала себя пустышкой в пыльном чулане – куклой, не имеющей ни собственных мыслей, ни устремлений.

Максим же обеспечил ей пусть и не слишком изысканную, но постоянную и преданную аудиторию. И при всей его внешней обыденности (если не сказать заурядности) в нем было одно качество, одинаково необходимое в триатлоне и амурных делах – упорство.

В его присутствии она оживала. Становилась кокетлива, остроумна, язвительна. Временами мила и обаятельна. Но главное, меняла маски и состояния с такой головокружительной скоростью, так сильно перегружала бесхитростный мужской ум, что неизменно вызывала слепое и чуть туповатое обожание.

Большинство ухажеров отваливались как высохшая грязь с ботинка, когда Вика в пятый или восьмой раз забывала о назначенном свидании, кормила обещаниями или неделями не выходила на связь.

Максим же оставлял за ней право на подобные женские шалости и смиренно терпел. Звонил в десятый и пятнадцатый раз, дарил невостребованный букет ближайшей бабуш-

ке и покупал новый.

Он написал ей сразу по возвращении в Москву, пробился сквозь череду «может быть» и «подумаю», назначил свидание в кафе и выждал под пристальными взглядами официантов целый час, прежде чем заказать ради приличия чашку чая, расплатиться и уйти.

Эта ситуация его не смутила. Написал опять, проглотил оправдание о плохом самочувствии с недельным опозданием.

Назначил новое свидание.

В этот раз Вика пришла. И даже опоздала всего минут на сорок.

Увидев зрителя, привычно распушила хвост: обволокла ароматом духов, защебетала оправдания и заверения, принялась морщить носик, строить глазки и весьма убедительно симулировать интерес к рассказам о мадридском дерби¹, шоссейным велосипедам и тонкостям арбитражного процесса.

В этом щебете не было ничего личного. Ровно то же самое она проделывала с десятками других мужчин. Но неискuschenный в войне полов Максим, за плечами которого были всего одни продолжительные отношения, рухнувшие из-за его занудства, всерьез поверил, что в этот раз все будет иначе.

Решил, что перед ним женщина всей его жизни.

¹ Речь о противостоянии футбольных клубов «Реал» и «Атлетико» из Мадрида.

Он приготовился к осаде крепости, но этого не потребовалось. Уже на первом свидании Вика потащила его в клуб, где, переборщив с коктейлями, унесла на седьмое небо в туалетной кабинке.

Макс удивился, когда она не ответила на его сообщение следующим утром, но не слишком. Охотно списал на обычную женскую ветреность и продолжил писать.

Вика тем же самым утром проснулась с тяжелой головной болью и легким сожалением.

Она не придала этому серьезного значения и удивилась, когда от зануды-тихони посыпались вопросы о планах на вечер и тому подобная банальщина.

«Ты же получил свою ночь со звездой – чего тебе еще нужно?»

Сперва она его игнорировала. Особенно если в поле зрения возникали ухажеры поинтереснее.

Но с крючка не снимала.

Для этого, оказавшись наедине с собой, отвечала небылицами: то заболевшие родственники (все, разумеется, были в добром здравии), то авралы на работе (которые случались редко и лишь из-за ее ненависти к рутине).

Эти байки она обильно сдабривала вопросами в духе «как ты» и словами поддержки по любому поводу от простуды до проигранного суда.

Круг Викиных поклонников постоянно менялся. Кто-то прозревал, что ему нечего ловить, и переставал выходить

на связь. Кто-то перед этим устраивал сцену.

Их Вика даже любила. Здоровью они, как правило, не угрожали, зато приятно щекотали нервы.

На месте выбывших сразу возникали новые страждущие, и спектакль продолжался с новыми статистами.

Максим все это время упорно кружил по ее орбите, не пытаясь покинуть зону ее притяжения. Сменялись лица, сходили с дистанции яркие и сильные персонажи, а он все упрямо держался.

Мало-помалу они начали встречаться.

Сперва – только в буквальном смысле. То в кафе посидят, то в кино сходят, то в парке погуляют. В клубах больше не бывали, от приглашений в гости Вика всячески увиливала. Ей не хотелось потерять скромного, но постоянного зрителя, и она отчаянно балансировала на тонкой ниточке, чтобы не задушить в парне остатки надежды.

Так пролетело около года.

Вика жила своей жизнью, полной ярких ощущений и всеобщего обожания, Максим всегда был где-то поблизости. Никогда не брезговал предоставленными крохами времени и внимания, всегда был готов помочь с переездом, установить антивирус или составить компанию при выборе сумочки.

А потом у Вики случился плохой день.

У всех бывают такие дни. У кого-то чаще, у кого-то реже. Но для привыкшей блистать Вики они всякий раз были

неожиданностью.

А в тот раз случился настоящий «парад планет».

Во-первых, она проштрафилась на работе. Мало того, что затянула с подготовкой важной презентации, так еще и забыла выслать ее шефу перед совещанием. Точнее, отправила пустое письмо без вложения, а сама под шумок улизнула в соседний бизнес-центр на ноготочки.

Тогда она впервые поскребла по дну чана с терпением своего руководителя.

МПоследовали громогласные крики с матом и переходом на личности. Что, разумеется, не красило Владимира Николаевича как профессионала.

С другой стороны, опоздания, бесконечные отпрашивания, просрочки и вовсе забытые поручения сходили Вике с рук так часто, что вечно это продолжаться не могло. Любого на ее месте давно бы уволили. А она просто прикрывала лицо ладошкой в притворном смущении, и шеф терял воинственный настрой.

Ворчал для вида, давал какое-нибудь указание, о котором тут же сам забывал, и удалялся к себе «перекладывать бумажки», как он сам говорил.

Но не в тот раз. Из-за ее разгильдяйства фирма лишилась крупного клиента, а шеф выставил себя круглым дураком, когда посреди переговоров безуспешно пытался до нее дозвониться.

Так что тут ему хватило запала для репрессий, и он, по-

ка тот не иссяк, срезал ей все премии и бонусы под корень на полгода.

Но и это еще не все. Ее и без того дырявый бюджет в тот же день получил еще более серьезную пробоину.

Выбегая из дома и, по обыкновению, опаздывая, она забыла выключить воду на кухне и залила соседей, которые вечером того же дня устроили ей, и без того подавленной, вторую порцию воплей и матерщины.

Быть может, эти вполне приличные семейные люди и смогли бы удержать себя в руках, если бы сверху по ночам не доносились радостные Викины стоны, звуки дрели или хмельные вопли Дианы с Ольгой. Но кто виноват, что в доме такие тонкие стены, а она так молода, хороша собой и дома появляется только к полуночи?

В общем, пожаловались хозяину квартиры, устроили скандал.

И тихий, интеллигентный мужичок предпенсионного возраста в огромных очках, с проплешиной на затылке – до того появлявшийся только для починок, – застенчиво, но решительно расторг договор аренды.

И даже затребовал накопившийся за четыре месяца долг. Повезло еще, что квартира была застрахована от залива. Но и без того рассчитывать Вике было нечем.

Поэтому она искренне и без притворства ревела в трубку, когда просила Макса помочь собрать вещи и вывезти их на другой конец города к Янке, согласившейся на время ее

приютить.

Максим увидел в этом возможность резким финишным рывком выиграть гонку за ее сердце. При этом он сохранил присущее ему благородство и не стал тащить расклеившуюся девушку в постель.

Просто утрамбовал ее разбросанные по квартире пожитки в мешки и коробки, погрузил в свой выдавший виды кроссовер, перевез к Янке в Люблино, выгрузил, помог разуться и заварил чай.

Он немного опасался оставлять Вику в одиночестве и рассчитывал сдать ее в руки хозяйке, но та все не ехала.

А за час до полуночи Яна позвонила и сообщила Вике, что вынуждена мчаться в больницу к маме и на эту ночь квартира в полном Викином распоряжении.

Ну, она и распорядилась. Только вот упаковки от презервативов могла бы, для приличия, в мусорку выкинуть. А то неловко было перед вернувшейся утром подругой.

Настолько неловко, что даже немного обрадовалась второму вынужденному переезду за два дня.

На этот раз к Максиму.

Долгой совместной «проверки отношений» у них не получилось.

Максим уже через пару месяцев предсказуемо и бесхитростно пригласил ее в ресторан, старомодно и неуклюже

встал на колени и, добившись яркого эмоционального «да», о котором так мечтал, потащил ее в ЗАГС.

Под свадьбу взяли кредит, разумеется – чтобы все как у людей, а медовый месяц им обеспечили родители.

Викины были счастливы, наивно полагая, что их егоза, наконец, немного остепенится, Максовы – тревожились. Опасались, не съест ли их доверчивого как теленок мальчика эта плутовка.

И вот они снова в Барсе. Город тот же, но как же переменялся контекст!

Перед самым вылетом они сильно поругались из-за сборов.

Макс настаивал на раннем выезде, а Вика считала предполетный мандраж неотъемлемой частью отпуска.

Она привыкла заталкивать платья в чемодан часа за полтора до вылета, судорожно вызывать такси, толкаться в пробках, упрашивать пассажиров на стойке регистрации пропустить вперед в очереди, нестись с развевающимися волосами среди туристов к своему выходу. А в это время по громкой связи во второй раз объявляют: «Виктория Сорокина, пройдите на посадку!» – чтобы, запыхавшись, в самый последний момент успеть протянуть паспорт с мятым посадочным талоном раздраженным сотрудникам аэропорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.